

Глава 9 - Динбан ненадёжен

Второй сын, Хэ Жусун, понял, что колебания бабушки Хэ, её нежелание произносить окончательный приговор, скорее всего, объясняются мягкосердечием.

В конце концов, она была стара и дни её жизни клонились к закату. На склоне лет мало кто жаждет крутых перемен — тем более плохих.

Будь то ради сохранения лица или из-за многолетней привязанности — несмотря на суровые слова, бабушка Хэ в глубине души предпочитала покой. Она искренне желала, чтобы большая семья хранила видимость живости и согласия — и снаружи, и изнутри.

Однако старуха не терпела никаких злоупотреблений на виду у себя всю жизнь. Легко отпустить это дело сейчас было явно невозможно. Ей нужен был достойный способ отступить.

Поэтому Хэ Жусун быстро заговорил: — Бабушка, то, что дедушка рассказал... нам, молодым, не пристало плохо говорить о старших, но я должен сказать: дедушка был неправ перед тобой. Однако в конечном счёте и он сам был обманут. Он не хотел изменять тебе. А то, что он скрывал прошлое, — всё ради твоего душевного покоя. Мы прожили столько лет единой семьёй. Я знаю, тебе сейчас больно, но...

Это говорил тридцатидвухлетний мужчина, однако голос у него сорвался, и потекли слёзы.

Хэ Жусун утёр слёзы и, всхлипывая, произнёс: — Ты правда больше не хочешь нас? Наша семья так хорошо жила, как же всё так обернулось вдруг...

Увидев это, четвёртая и пятая дочь среагировали мгновенно и тоже расплакались.

Пятая сестра, Хэ Жүфэн, зарыдала: — Бабушка, бабушка, я не переживу разлуки с тобой. Мы все выросли без матери. Хотя ты наша бабушка, ты для меня как мать. Я не хочу с тобой расставаться...

Четвёртая сестра, Хэ Жуюэ, опустила голову, и слёзы закапали одна за другой: — Но дедушка всё же был неправ. У папы нет законного места в этой семье. Мы и без того дети без матери, и потому у нас ещё меньше оснований просить тебя не бросать нас. Что же нам делать, что мы можем сделать... Что бы ни было, бабушка, решай, как знаешь...

Видя, как его дети плачут вместе, Хэ Динбан тоже опустился на колени прямо на полу и утёр слёзы: — Мама, мне всё равно. Даже если ты не хочешь меня признавать — ты всё равно моя настоящая мать. Ты единственная мать, которую я знал. Я называю тебя «мамой» больше пятидесяти лет! Мне уже самому скоро в могилу, а мне вдруг говорят, что мать — не моя мать... Ты бы лучше убила меня... Папа, как ты мог так поступить с мамой? Как ты мог изменить ей так?!

Дедушка Хэ сжал трость, вонзил её в пол и молчал.

Бабушка Хэ была раздираема противоречиями. Узнай она эту правду в молодости — не стала бы колебаться ни мгновения. Но после стольких лет, в её возрасте...

Хэ Жучжу бросился к ногам бабушки Хэ. Движение получилось слишком резким — он едва не опрокинул стоявшего рядом на коленях отца, Хэ Динбана. Но Хэ Жучжу не обратил на отца никакого внимания. Пользуясь преимуществом молодого возраста, он вцепился в её ноги и громко завыл.

— Бабушка! У дедушки были свои причины! Папа и вовсе ни в чём не виноват! Он был тогда просто новорождённым младенцем. Не он сам прополз к тебе и назвал тебя «мамой», бабушка...

Хэ Динбан подумал, что этот мальчишка Хэ Жучжу — настоящий мастер в произнесении неприятных слов!

Но это не мешало Хэ Динбану продолжать своё: — Мама! Неужели больше пятидесяти лет как мать и сын не перевесят кровное родство?.. Как я могу вдруг потерять мать?.. Мама, не прогоняй нас. Позволь нам остаться рядом и искупить вину, умоляю тебя!

К этому моменту чаши весов в душе бабушки Хэ и правда начали склоняться.

После десятилетий совместной жизни дедушка Хэ, понимаете, чувствовал, что настрой бабушки смягчается. Нужен был лишь последний толчок.

Он быстро воспользовался моментом, пока железо горячо, и снова заговорил — постаревшим, надтреснутым голосом: — А-Ин, всё ли эти годы я был верен тебе и семье Хэ — ты знаешь лучше меня. Если бы я и правда замыслил обман, если бы я и правда хотел подменить нашего родного сына Динбаном, — значит, я чего-то хотел добиться, правда? Но скажи мне — разве я когда-нибудь добивался того, чего не следовало?

— Динбан ненадёжен. Много лет назад ты говорила, что хочешь взять для Вэйань мужа и отдать ей управление «Группой Хэ2 — как когда-то это сделал твой отец с тобой. Я хоть раз боролся за Динбана тогда? Я даже советовал тебе не давать Динбану никаких акций — помнишь?

Услышав эти слова бабушки Хэ, Хэ Динбан широко открыл глаза.

Дедушка Хэ подсказывал бабушке Хэ: — Ты боялась, что Динбан обидится — решит, будто мы ставим Вэйань выше него не по способностям, а по предвзятости. Поэтому ты думала: пусть Динбан ненадёжен, всё равно нужно дать ему хоть немного акций.

— Если бы Динбан был нашим родным сыном, я бы тогда не стал тебя останавливать. Именно, потому что я в глубине души знал — он не родной, — хотя и не говорил тебе правды, у меня не хватало совести позволить Динбану брать активы семьи Хэ. Вот почему я убеждал тебя отказаться от этой мысли. Раз мы никогда прежде ему ничего не давали, и сам Динбан знал свою натуру, — неожиданные акции могли заставить его слишком много думать и потом натворить дел с ними.

— Это я так долго тебя уговаривал, пока ты не сдалась. Из-за этого ты даже шутила, что я правда предпочитаю Вэйань.

Пока дедушка Хэ говорил, бабушка Хэ вспоминала те ранние годы и вздохнула.

Дедушка Хэ продолжал: — Позже, когда ты хотела дать акции Жусюэ, я тоже хотел остановить тебя. Всё-таки Жусюэ — дочь Динбана, а значит, не из крови семьи Хэ. Но я не мог тебя переубедить. Ты обожала Жусюэ, свою старшую внучку, и считала несправедливым не дать ей акции, раз мы ничего не дали Динбану.

— Жусюэ не похожа на своего отца — она надёжна. У меня не было веской причины останавливать тебя, и я боялся, что слишком сильное противодействие покажется тебе подозрительным. Поэтому сказал: отдай ей мои пять процентов...

— Я работал рядом с тобой ради семьи Хэ всю жизнь, а на пенсии получил только пять процентов акций. Ты тогда ни о чём меня не спрашивала. Я знал: пока я сам не предложу, ты их не потребуешь.

— Но из-за своей вины я не мог позволить себе брать из твоих рук и отдавать тому, кто не из твоей крови. Остановить тебя я не мог и правды сказать не решался. Поэтому я решил: пусть лучше ты разделишь Жусюэ часть из оставшихся у тебя акций, — лучше я отдам свои. Тогда мои руки будут пусты, но на душе будет чуть легче.

Дедушка Хэ утёр глаза: — Потом, когда Шисяй повзрослел, ты по традиции семьи Хэ тоже выделила ему долю — и, считая справедливым, добавила Жусюэ ещё три процента, так что у неё и Шисяя стало по восемь процентов. Помнишь? Ты думала, что я предпочитаю семью Вэйань и не так сильно люблю Динбана и его дочь. Боясь, что я снова стану возражать, ты сообщила мне уже после того, как всё сделала...

Слёзы сильнее навернулись на постаревшие глаза бабушки Хэ.

— А-Ин, скажи мне: если бы я был нечестен, разве не должен был стараться всеми силами добыть выгоду для Динбана, искать способы подточить тебя — вместо того чтобы к концу жизни, при тщательном подсчёте, обнаружить, что ни у Динбана, ни у меня нет ничего существенного в руках?

— Я очень благодарен, что твой отец и ты сама увидели во мне что-то тогда. Я знал: пока

существуют семья Хэ и ты, я не буду ни в чём нуждаться. Поэтому я всегда был доволен малым. Никогда не думал, что мне непременно нужно держать акции «Группы Хэ» в своих руках, чтобы чувствовать себя в безопасности. Разве не для того существуешь ты? Разве ты когда-нибудь давала мне волноваться о хлебе насущном? Я всегда так думал...

— Все эти годы я чувствовал вину, но осмеливался лишь скрывать её от тебя. Не смел питать других мыслей, не смел думать о том, чтобы воспользоваться твоим доверием ради чего-то такого, из-за чего ты не посмела бы мне возразить, даже если бы узнала правду о Динбане. Никогда я так не думал... А-Ин, жизнь уже почти прожита. Неужели ты не можешь не прогнать нас? Дай мне остаток жизни провести рядом с тобой, продолжая искупать вину. Хорошо?

Закончив, дедушка Хэ зашёлся кашлем, хватая воздух. Хэ Жусун и остальные кинулись поддерживать его и хлопать по спине. Целая толпа плачущих и кашляющих людей — зрелище было жалкое до крайности.

Хэ Жусюэ, стоявшая рядом с бабушкой Хэ, тоже сдержанно всхлипнула: — Бабушка...

Бабушка Хэ вздохнула: — Наша семья Хэ... и правда не может позволить себе такой огласки. Это дело...

— Ну и пусть его замнут, — перехватил разговор Нин Ичу лёгким, жизнерадостным тоном, мгновенно притянув к себе взгляды всех присутствующих.

Увидев его выражение лица и услышав его слова, остальные почувствовали, как ломит зубы.

Хэ Жусун стиснул зубы: — Тебе мало, что ты уже нарушил семейный покой? Что ещё ты собираешься сказать?

Нин Ичу хлопнул глазами с видом полной невинности: — Я больше не нарушаю покой. Бабушка решила стиснуть зубы и потерпеть. Зачем мне снова всё рушить? Это было бы так незрело.

Он методично принялся перечислять — весомо и складно: — Хотя бабушка и дедушка прожили в браке пятьдесят пять лет, дедушка обманул бабушку ещё до свадьбы, заявив, что он не женат. На второй год после свадьбы тайно встречался с первой любовью, дал ей денег и изменил бабушке. Всё это было так тщательно скрыто, что бабушка не знала: она потеряла родного сына и большую часть жизни растила незаконного ребёнка дедушки...

— Но, как вы все сказали, — разве дедушка не объяснился? Во всём виновата та первая любовь, биологическая мать дяди. Дедушка совершенно ни при чём.

Эмоции человека естественно движутся вслед за тем, что он слышит и с чем невольно

связывает в уме. Только что мысли бабушки Хэ были полны плачем детей, годами накопленной привязанностью и десятилетиями труда и заслуг дедушки Хэ. Теперь же, когда Нин Ичу снова всё это поднял, она подумала...

Да — её обманывали с самого начала, и она так и не узнала правды большую часть жизни. Откуда ей знать, не скрыл ли старик ещё что-нибудь?

Все эти годы — неужели у него и правда не было нечестных намерений и ему было слишком стыдно просить большего у «Группы Хэ»? Или просто она была слишком сильна, а у старика не хватало ни ресурсов, ни смелости идти ва-банк, и он мог лишь довольствоваться малым?

Старик ведь тоже не дурак. Он, конечно, видел, что Хэ Динбан — безнадёжен. Значит, то, что он тогда не дал Динбану акции, а позже отдал Жусюэ свои пять процентов, — было это из вины и нежелания брать чужое? Или за этим стоял другой расчёт?

Уж не готовился ли он загодя к тому дню, когда правда выйдет наружу, — ставя на то, что, когда дойдёт до разговора об акциях, она, старая женщина, смягчится? А если правда так и не открылась бы — как пара до самой смерти, пусть даже без ничего в руках, это не мешало бы прожить жизнь в богатстве и почёте.

Напротив, те пять процентов акций — даже если бы они были у него, он не мог использовать их в иных целях. После его смерти их всё равно пришлось бы делить поровну между детьми. Итоговый результат был бы по существу тот же... Было ли это искренним раскаянием — или он просто слишком ясно видел положение вещей?

Весы в душе бабушки Хэ, уже было склонившиеся, снова дрогнули и качнулись в другую сторону.

— Нин Ичу! Чего ты в конце концов добиваешься? Тебе не терпится увидеть нашу семью в беде?! — Хэ Динбан, увидев колебание в глазах матери, едва не стёр себе зубы. Она была уже готова смягчиться — и снова Нин Ичу всё разрушил!

Нин Ичу улыбнулся мягко: — Не торопитесь, дядюшка. Я вас не забыл. Знаете, я вам даже немного завидую. Хотя вы не родной сын бабушки и всё это время занимали место её родного ребёнка, лишив того возможности войти в родословную семьи Хэ с первого же дня жизни... бабушка так вас любит, что не собирается держать обиду. Что ж, завидую.

— Ах, и вправду завидую.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1598642>